

СТАРООБРЯДЦЫ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ*

Монография Ю.В. Аргудяевой «Старообрядцы на Дальнем Востоке России» представляет собой первое комплексное этнологическое исследование русского старообрядческого населения дальневосточного региона страны. Со времени возникновения старообрядчества как «древле-православного» течения в христианстве оно неизменно привлекало к себе внимание не только церковных деятелей, но и правительства, широкой российской общественности, ученых разных отраслей знаний. Старообрядчеству посвящено множество публикаций, в которых авторы оценивают его с позиций соответствующих ведомств.

Среди исследователей народного быта утвердилось мнение о замкнутости старообрядческих общин, что способствовало консервации народных традиций. Поэтому в конце XIX в., когда было обращено внимание на бытовые стороны жизни сибиряков, их изучение начали с обособленных групп окраинных местностей, где нашли прибежище сторонники «древнего благочестия». Дальний Восток в то время еще лишь начинал заселяться русскими, и о специфике быта новоселов задумываться было рано. Поэтому этнографических исследований практически не проводилось. Рецензируемая монография восполняет образовавшийся пробел.

Ю.В. Аргудяева начала этнологическое изучение русских сибиряков во второй половине прошлого века. Написанию анализируемого труда предшествовала проработка ею отдельных вопросов более чем в 50 статьях. На этом пути исследовательница была во многих случаях «первопроходцем» и «первооткрывателем». Ей удалось подтвердить ряд общих явлений в развитии традиционной культуры у русских мигрантов в восточных регионах, присущих и старообрядцам, а также выделить специфические черты, вызванные особенностями местных условий и конфессиональными установками.

В опубликованной монографии автор сконцентрировала внимание на анализе этнокультурных процессов, протекавших в южной части дальневосточного региона, где поныне проживает большинство старообрядцев. Хронологические рамки работы максимально расширены: Ю.В. Аргудяева начала исследование со времени появления первых старообрядческих поселений в Приамурье и Приморье и доводит его до той грани, когда наступил перелом во всей жизни страны, а по некоторым вопросам — до конца XX в. Это потребовало привлечения разного вида источников, выявленных автором и тщательно проанализированных. Работа базируется на обширном комплексе этнографических, демографических и фольклорных материалов, собранных в ходе многолетних полевых наблюдений и архивных изысканий.

Рецензируемую работу характеризуют четкая этнографическая направленность и разносторонность анализа. Ю.В. Аргудяева обращается к фундаментальным проблемам этнокультурного развития, рассматривая их применительно к выбранной ею группе населения. Конкретные зада-

* Аргудяева Ю.В. Старообрядцы на Дальнем Востоке России. М., 2000. 365 с.

чи исследования автор определяет следующим образом: «показать этническую историю и условия жизнедеятельности крестьян-старообрядцев, пути адаптации к новой среде обитания, определить их роль в освоении дальневосточного региона, формировании постоянного населения и региональной культуры» (с. 5.). Тем самым преследуется одновременно несколько целей: а) проследить этнокультурное развитие локальной группы русского народа, мигрировавшей в новые для нее экологические условия и оказавшейся в иноэтничном окружении; б) оценить результаты адаптации этой группы на Дальнем Востоке для русской традиционной культуры в целом; в) выяснить роль русского народа, в частности старообрядцев, в хозяйственно-культурной жизни региона.

Монография включает в себя четыре главы, «Введение» и «Заключение», а также «Приложение», содержащее ценные документы начала XX в., снабжена иллюстрациями, имеет обширную библиографию.

Первая глава «История формирования старообрядцев на юге Дальнего Востока России» посвящена скрупулезному анализу вселения и внутрирегионального расселения. Сложность решения этих вопросов заключалась в том, что и в официальных документах, и во многих публикациях все прибывавшие из внутренних губерний именовались «русскими» или «российскими». Автору удалось вычленив в потоке мигрантов именно русских переселенцев и доказать на документальной основе, что создание самых важных очагов русского крестьянского расселения принадлежало старообрядцам. Указывая на этот начальный этап, автор пишет: «Именно русские, их историко-культурные (дальневосточные казаки) и конфессиональные (старообрядцы, молокане) группы составили основной субъект аграрного и промышленного освоения дальневосточных земель, первыми принесшими сюда традиционную культуру восточнославянской общности» (с. 18.). Неясным до сего времени оставался региональный состав первых мигрантов; Ю.В. Аргудяева как этнолог определяет в процессе исследования преобладание в нем выходцев из северо- и среднерусских губерний, к которым присоединялись в 60—70-е годы XIX в. переселенцы из южнорусских губерний.

Как и в ранее освоенных местностях Сибири, крестьяне проявляли активность в поиске земель лучшего качества, что порождало внутреннюю миграцию. Старообрядцев побуждала к переселению еще и иная причина — стремление обособиться от «мирских» (с. 63, 72, 75). Ю.В. Аргудяева прослеживает внутреннюю миграцию по полевым материалам вплоть до истории отдельных семей, восходящих к первоначальникам.

Религиозная организация старообрядцев, как пишет автор, представляла собой довольно пеструю картину, что наблюдалось на всей территории Сибири и объяснялось сложной историей формирования их локальных общностей. Этой теме посвящена одна из статей автора, к сожалению, не включенная в настоящую публикацию¹. Ю.В. Аргудяева ставит на будущее задачу более детального изучения региональной, этнографической и этнической составляющей приверженцев «древлего благочестия» (с. 94). Это особенно актуально для выяснения этнического состава общин. Хотя старообрядчество зародилось в русском народе, оно со временем стало полиэтничным. Еще царские чиновники отмечали, что раскольники при переселении вовлекают в свою среду инородцев. Подобные факты были подтверждены современными учеными на материалах, относящихся к регионам Забайкалья, Алтая, Поволжья и Приуралья. Из славянских

народов определено участие в рядах приверженцев «древлего благочестия» украинцев и в значительно меньшей степени белорусов². Таким образом открывается широкое поле деятельности по выявлению в старообрядчестве специфики не только вероисповедальной, региональной, но и этнической.

Вторая глава монографии «Хозяйственная деятельность и материальная культура старообрядцев» позволяет уточнить представление о традиционализме и степени замкнутости быта общины. Для закрепления во вновь заселенном регионе необходимо создание условий для жизни и в первую очередь — развитие продуктивного хозяйства. В разделе «Основные занятия крестьянского населения» Ю.В. Аргудяева показывает, что успеху хозяйственной деятельности мигрантов благоприятствовали: а) заинтересованность властей в заселении края, наделявших переселенцев рядом льгот, б) совокупный опыт русских крестьян по хозяйственной деятельности в разных природных зонах страны, в) адаптивный опыт, накопленный на промежуточных этапах продвижения через Сибирь, г) общинный менталитет старообрядцев, считавших возделывание земли своей христианской обязанностью. Автор подчеркивает прежде всего сходство хозяйственных и бытовых традиций сибиряков, в частности, господство общинной формы. Далее выявляется воздействие условий Дальнего Востока с его обширными незаселёнными землями и громадным природным потенциалом. Как выяснено в ходе исследования, на разных этапах хозяйственного развития в новом регионе крестьяне апробировали различные известные им системы полеводства; в итоге, как и в местностях земледельческой зоны Сибири, основным путем освоения региона явилась заимочная система (с. 105).

Крестьяне принесли с собой традиционные способы ведения земледелия и животноводства, свой хозяйственный уклад. Однако в местных экологических нишах первоначальные хозяйственные приемы видоизменялись, а в иных случаях принимали новые формы. По заключению автора, с чем следует согласиться, хозяйственно-экономический фактор оказался ведущим в расширении рационального опыта и появлении ряда новаций, а именно: во внедрении фабричного плуга, новых культур, заимствованных у коренных народов, в освоении некоторых приемов хозяйства и ремесла. Там же, где земледельческие занятия пришлось сократить до минимума или вовсе оставить, жизнеобеспечение достигалось путем приобщения к различным промыслам, базировавшимся на речных, морских и таежных угодьях. Причем старообрядцы использовали не только традиционный опыт, но и проявляли новаторство. Так, почти одновременно было начато приручение маралов на Алтае, в Забайкалье и на Дальнем Востоке. Таким образом, отмечает автор, этнические стереотипы, природные и социальные условия Дальнего Востока во многом обусловили степень приспособляемости старообрядцев к новым местам (с. 128).

Переходя к описанию материальной культуры, Ю.В. Аргудяева стремится выявить в традиционных особенностях этих элементов материального быта различных локальных групп русских сибиряков культурные взаимовлияния, межэтнические контакты, а также социальную и экономическую специфику местного быта.

В материальной культуре, как и в хозяйственной деятельности, наряду с сохранением многих черт, устойчиво традиционных, присущих ста-

рообрядческой среде, вводятся, хотя и с некоторой избирательностью, новые явления. Например, дома на Дальнем Востоке, как и в лесной полосе Сибири и европейской части страны, возводили из круглых бревен. Не чурались при этом использовать наемных рабочих-иностранцев (китайцев), а когда появились переселенцы-украинцы, усвоили обычай жителей степных местностей обмазывать глиной или штукатурить стены.

Для русского жилища существенное значение имеет внутренняя планировка. Сложность этнографического состава старообрядцев, как показал автор, проявилась в том, что в домах на Дальнем Востоке встречались все варианты внутреннего плана избы, известные в европейской части России. Потомки переселенцев сохраняли их и в XX в., но одновременно обзаводились предметами современного убранства интерьера.

Социальный фактор в большей мере прослежен Ю.В. Аргудяевой при рассмотрении одежды и пищи. Эти темы практически не затрагивались в трудах предшественников автора и только многолетние полевые наблюдения позволили разобраться в тех существенных процессах, которые были порождены сменой природных условий и межэтническими контактами. Автор отметила стойкость сохранения традиционного комплекса костюма, покроя и даже деталей, присущих домашней одежде, обрядовой и в особенности погребальной. Однако ткани использовали преимущественно покупные, которые еще в XVIII в. получили широкое распространение в Западной и Восточной Сибири.

Хорошо владея материалом, Ю.В. Аргудяева отметила отдельные предметы одежды, ставшие как бы знаком той или иной группы переселенцев на Дальний Восток (косоклинные сарафаны выходцев из Приуралья, «горбач» алтайских, головной убор забайкальских и т. п.). На восток переносили и выработанные в Сибири специфические формы промыслового костюма. Этот набор дополняли предметы одежды, воспринятые от местного населения. Сложившийся таким образом комплекс промысловой одежды оказался настолько практичным, что бытует поныне.

В еще большей мере, чем в одежде, сохранялись традиции русского крестьянства в пище старообрядцев. Автор объясняет это высокими требованиями, предъявлявшимися к выполнению религиозных канонов, особенно запретов на некоторые продукты, а также устойчивостью комплекса блюд обрядовой кулинарии. И в этой внутрисемейной стороне быта автор определила наличие межэтнических влияний как с абorigенами, так и с прибывавшими из европейской части страны переселенцами. Тем более существенно, что Ю.В. Аргудяева выявила взаимовлияния, не нарушавшие, однако, общего традиционализма.

Обследовав в ходе полевых наблюдений быт старообрядческих общин на обширной территории Приуралья и Приморья, Ю.В. Аргудяева отметила, что трудности первых лет пребывания в новых условиях представляли переселенцев как бы отступать на более примитивный уровень народной культуры. Аналогичные явления фиксировали исследователи и в других регионах. Возможно, в этом проявилась некоторая общая закономерность миграционного движения. В дальнейшем уровень благосостояния отдельных семей и возникавших общинных коллективов зависел от адаптивной активности мигрантов. Этот показатель у старообрядцев автор монографии оценивает весьма высоко.

Подводя итог рассмотрению хозяйственной деятельности и материальной культуры мигрантов, Ю.В. Аргудяева констатирует, что общие

успехи переселенцев доказали жизнеспособность старообрядческих общин, им удалось создать специфический местный культурный комплекс, базирующийся на общерусских традициях, но обогащенных в ходе межэтнических контактов (с. 180).

Третья глава монографии посвящена семье. Ю.В. Аргудяева установила, что в отличие от многих других колонизировавшихся местностей Сибири заселение Дальнего Востока осуществлялось преимущественно семейными группами. Более того, имелась установка правительства на переселение семей с преобладающим числом взрослых, трудоспособных мужчин. Это повлекло за собой недостаток женщин для создания брачных пар, из-за чего снижался возраст вступающих в брак. Для старообрядцев возникали дополнительные сложности. Специфические демографические условия вынуждали заключать семейные союзы с приверженцами официального православия и даже с коренными жителями. В подобной ситуации большое значение имело переселение на восток крестьян из старообрядческих центров Восточной и Западной Сибири, установленное автором по документам. Естественно, родственные и дружеские связи расширяли возможность заключения браков между жителями этих центров. Таким образом, проведенное Ю.В. Аргудяевой исследование позволяет рассматривать южную земледельческую полосу Зауралья в целом как зону, объединенную цепочками поселений старообрядцев, от бассейна Иртыша — к Енисею, затем к Забайкалью, и, наконец, на Дальний Восток, жители которых поддерживали между собой бытовые и родственные связи. В среде старообрядческих общин вырабатывались от XVIII к XX в. и передавались на восток некоторые общие черты бытовой культуры. Эти взаимосвязи отмечались ранее³. Однако именно публикация монографии Ю.В. Аргудяевой дала возможность воссоздать всю картину в завершенном виде.

Подтверждением общности процессов этнокультурного развития у мигрантов-старообрядцев является также неоднократно отмечавшееся исследователями возрастание числа большесемейных коллективов в первые годы после вселения, создание братских и товарищеских объединений, что было непосредственно связано с задачами освоения новых земель и наращиванием хозяйственной мощности. По мере закрепления и приспособления к местным условиям включался процесс раздела «сложных семей». Как и в других регионах Сибири, в ходе внутренней миграции в путь отправлялись отделившиеся молодые пары.

Автор подробно останавливается на внутрисемейном бытовом укладе, затрагивая при этом календарные праздники как одну из форм проведения досуга. Как известно, эти празднества имеют аграрную основу, что, к сожалению, весьма скупо отражено в монографии. Было бы желательно представить этот раздел в виде отдельной статьи, обозначив в ней адаптивные процессы. Такому аспекту до сего времени уделялось мало внимания.

Четвертая глава посвящена семейной обрядности, но с привлечением календарной. По нашему мнению, это несколько нарушает логику изложения материала, хотя семейные обряды в некоторой части приурочены к годовому циклу. Следует отметить, что последний раздел монографии разработан менее тщательно, чем предыдущие. Автор объясняет это тем, что, как и повсюду в стране, за годы советской власти многие обрядовые действия утратились или претерпели изменения. В частности, на Дальнем Востоке русская традиция подверглась заметному влиянию ук-

раинско-белорусской, что наблюдалось и в других местностях их соседского проживания (с. 264).

К теме семейного быта можно отнести материалы «Приложения» — документы, содержащие как «Отеческое наставление» вступающим в брак, таблицу счета «Сродства», так и обвинительные акты следственных и карательных органов советской власти. Последние документы, выявленные и впервые опубликованные автором, чрезвычайно ценны и еще нуждаются в серьезном анализе. Автор пишет: «Сегодня наступила пора осмыслить сложный путь староверия, его роль в развитии хозяйственно-культурных традиций русского этноса. Специалисты разных наук при изучении дальневосточного старообрядчества должны сделать упор на тематику, не получившую освещения или недостаточно изученную. На наш взгляд, это сельская и конфессиональная общины, материальная и духовная культура, в том числе вопросы духовно-религиозной жизни, книжной культуры, русской словесности. Современные исследователи получили возможность показать результаты репрессивной политики советского государства по отношению к старообрядцам, влияние средств массовой информации на их образ жизни, структуру религиозных организаций на данном этапе (с. 317).

В заключение можно отметить, что монография Ю.В. Аргудяевой является трудом во многом новаторским, ставящим задачи и открывающим новые направления для дальнейшего этнологического изучения русского, в том числе старообрядческого населения Дальнего Востока.

В.А. ЛИПИНСКАЯ, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН

¹ Этноконфессиональные группы русских на Дальнем Востоке // А.П. Чехов и Сахалин: Докл. и сообщ. Междунар. науч. конф. 28—29 сент. 1995 г. Южно-Сахалинск, 1996. С. 29—41.

² Шумилов Е.Ф. Старообрядцы Удмуртии // Этнокультурная история Урала XVI—XX вв. Екатеринбург, 1999. С. 171—172; Ефименко Е.И. Религиозные традиции украинцев Оренбургской губернии. Сер. Многонациональный мир Оренбуржья». Вып. 12. Оренбург, 2000. С. 53; Данилко Е.С. Старообрядчество на Южном Урале. Уфа, 2002. С. 41.

³ Липинская В.А. Старожилы и переселенцы: Русские на Алтае (XVIII — начало XX века) М., 1996; Шелегина О.Н. Очерки материальной культуры русских крестьян Западной Сибири XVIII — первой половины XIX в. Новосибирск, 1992; Болонев Ф.Ф. Старообрядцы Алтая и Забайкалья: Опыт сравнительной характеристики. Барнаул, 2000 и др.